

Вернувшись к себе в ярости, Хан Чжо первым же делом велел отправить слугу со спешным приглашением к императорскому лекарю. Его запястье было сломано Бай Шу. И пусть кость тут же вправили на место, глубокая, пронизывающая боль до сих пор заставляла сердце замирать от страха. Пока лекарь самолично не осмотрит руку, Хан Чжо ни за что не поверит, что увечье обошлось без последствий.

Пока лекаря всё не было, Хан Чжо хмуро наблюдал за госпожой Лю, которая суежилась рядом, не зная, куда деться от жалости к супругу.

— Погляди на досуге, нет ли в столице подходящей семьи, — ледяным тоном процедил он. — Пора сосватать этого мерзавца. Пусть женится как можно скорее... — Хан Чжо на мгновение запнулся, укрощая гнев, и добавил: — Даже если семья окажется попроще — неважно.

Последние два года госпожа Лю только и делала, что хлопотала о женитьбе своего сына, Хан Юэвэня. Тот как раз вошёл в пору зрелости. Однако знатные столичные барышни, на которых заглядывалась Лю, почти все уже были помолвлены. Немногие оставшиеся невесты до смерти боялись дурной славы Хан Сиэня и при первом же намёке вежливо, но решительно давали от ворот поворот, придумывая любые предлоги.

Семьи попроще, мечтавшие породниться с домом герцога Хань, Лю отметала сама: по её мнению, ни по родovitости, ни по воспитанию их отпрыски не годились её сыну в супруги. Из-за этих бесконечных метаний она в последнее время совсем потеряла покой.

И сейчас, внезапно услышав от мужа о женитьбе, она испуганно вздрогнула, решив, что тот говорит о Юэвэне. Но стоило сообразить, кого именно супруг нарёк «мерзавцем», как от сердца у неё отлегло. Это бранное слово в устах Хан Чжо служило обозначением исключительно для Хан Сиэня.

Овладев собой, Лю посмотрела на хмурого мужа и осторожно заметила:

— По праву матери мне и надлежит радеть о женитьбе наследника. Да только наш Сиэнь — не чета обычным сыновьям. Он упрям и привык всё решать сам. Если мы устроим этот брак без его согласия, а он взбунтуется, как бы беды не вышло?

На самом деле Лю ничуть не сомневалась, что невесту или жениха-гэера для Хан Сиэня отыскать удастся — какой бы дурной славой тот ни пользовался, он всё ещё оставался законным наследником герцогского титула, и охотники породниться с их домом всегда найдутся. Больше всего её страшило, что пасынок просто сорвёт на ней злость и окончательно разорвёт с ними всякие отношения.

Теперь, когда старая госпожа отошла в мир иной, Лю чувствовала себя куда свободнее: больше не нужно было лебезить перед ней и ловить каждый её взгляд. От самого Хан Сиэня она предпочитала держаться на почтительном расстоянии, но вот поручение мужа требовалось выполнить безупречно.

Стоило Хан Чжо услышать эти сомнения, как перед глазами у него встало полное ледяного презрения лицо старшего сына. Ярость вспыхнула в его груди с новой силой. Хлопнув по столу здоровой рукой, он рявкнул:

— С каких это пор воля родителей и слово свахи перестали быть законом?! С чего бы ему противиться? Раз я велел тебе заняться этим, значит, берись за дело! И не бойся пересудов. Если мы выберем кого попроще, поместье само пустит нужные слухи. Ни одна живая душа не обвинит тебя в том, что ты сосватала наследнику неровню.

Взгляд Хан Чжо зловеще сузился, гнев уступил место холодному расчёту:

— Если этот паршивец покорно примет наш выбор, пусть и дальше зовётся наследником. Если же вздумает артачиться — что ж, наследника в нашем поместье всегда можно сменить.

Лю не вполне уловила, к чему клонит муж, но намёк на то, что её ненаглядный Юэвэнь может занять место наследника, поняла без труда. Сердце её затрепетало от восторга. Смирительно кивнув, она подумала, что супруг, должно быть, нащупал у Хан Сизня какое-то уязвимое место и теперь ищет предлог, чтобы лишить того законных прав. Стоило ей представить, как её собственный сын однажды примет бразды правления всем герцогским домом, как силы сами вернулись к ней. Лю мысленно поклялась, что подберёт для пасынка поистине «восхитительную» партию.

Вскоре прибыл придворный лекарь, который из года в год врачевал обитателей герцогского поместья. Он бережно осмотрел покалеченное запястье хозяина дома. Кость действительно была сломана и вправлена обратно, но сустав сильно пострадал. Вздохнув, врачеватель выписал рецепт для целебного отвара и приготовил мазь для компрессов.

Окончив перевязку, он выслушал тревожный вопрос Хан Чжо: не останется ли рука сухой и не потеряет ли былую силу? Лекарь уклончиво ответил:

— Сейчас главное — покой. О суставе надобно заботиться со всем тщанием.

По правде говоря, травма была не столь опасной. Однако придворные лекари неспроста славились своей осторожностью: они никогда не рубили с плеча и всегда оставляли недосказанность, чтобы в случае чего отвести от себя гнев знатных господ.

Хан Чжо вспомнил, что это безродный вояка Бай Шу играючи вывернул ему руку, и лицо его налилось свинцовой бледностью. Впрочем, дураков среди императорских лекарей не держали — гость не проронил ни слова о причинах увечья. Повторив напоследок наставления, он поспешил откланяться и покинул усадьбу.

Уже на следующее утро Хан Чжо направил во дворец слёзное прошение об освобождении от службы. Писал он на удивление прочувствованно: клялся, что готов жизнь положить на алтарь верности Его Величеству, но жестокая судьба распорядилась иначе — некий злодей сломал

ему руку, лишив возможности держать кисть, а потому он смиренно молит позволить ему остаться дома для исцеления недуга.

Жалоба на «сломанную руку» так явно сквозила подтекстом, что государь с лёгким сердцем подписал указ, даруя Хан Чжо отдых. Дабы явить подданным свою монаршую щедрость, он даже велел отправить в Поместье герцога Хань ворох редких снадобий из личной кладовой, однако в ответном послании ни единым словом не упомянул виновника этой раны.

Меж тем в самом поместье госпожа Лю времени не теряла: она принялась зазывать в гости хозяев самых влиятельных столичных усадеб. На этих приёмах как бы невзначай давали понять, что пришла пора подыскать для молодого наследника благонравную супругу.

Известие о том, что Клан Хань затеял поиски пары для Хан Сиэня, в мгновение ока разнеслось по столице, породив бурю толков. Семейства, равные герцогу по знатности, с содроганием думали, чьей же дочери или гэеру выпадет несчастье пойти под венец с этим жестоким человеком, а более искушённые в дворцовых интригах люди затаились, силясь разгадать подоплёку столь внезапного рвения.

Хан Сиэнь славился буйным нравом и полным пренебрежением к сыновней почтительности, так что большинство благородных господ шарахались от него как от чумного. И всё же, как верно подметил Хан Чжо, блеск титула супруги — или супруга-гэера — наследника герцога лишал сна многих честолюбцев.

Были и те, кто зарился не столько на древний герб, сколько на особое расположение, которое питал к Хан Сиэню сам государь. Говорить о подобном вслух считалось верхом неприличия, но стоило зайти речи о женитьбе, как сваты наперебой спешили заверить Хан Чжо в своём глубочайшем уважении.

Пытливые умы пытались докопаться до истины: с чего вдруг в Поместье герцога Хань с таким жаром взялись за это дело? Прежде об этом не ходило даже робких слухов — вся столица была уверена, что Хан Сиэнь так и закончит свои дни в одиночестве. Однако вскоре через болтливых слуг из поместья наружу просочились весьма любопытные пересуды.

Шептались, будто наследник безумен до мужской ласки и держит при себе Бай Шу — сына казнённого мятежника, смазливое негодяя, который делит с ним ложе. Дабы защитить этого наложника, Хан Сиэнь якобы не побоялся покалечить собственного отца. Вот герцог Хань и решил связать непутёвого сына брачными узами в надежде, что законная семья заставит его остепениться и выкинуть блудные мысли из головы.

Стоило столичным кумушкам сопоставить эти признания со строками из прошения Хан Чжо о «вывихнутой руке», как пазл сложился сам собой. Взоры всей знати обратились к Поместью герцога Хань — все замерли в предвкушении грядущей бури.

О столь громком скандале вскоре проводали и Хан Минчжу, и в поместье маркиза Цзинго. Обеспокоенные родственники немедленно выслали доверенных слуг к самому Хан Сиэню, дабы

выведать правду, но тот оборвал расспросы одной ледяной фразой: «Всё это вздор», лишив их возможности разузнать хоть что-то ещё.

По правде говоря, обе стороны больше всего терзались вопросом о том, какую роль во всей этой истории играет Бай Шу. Но поскольку делиться подробностями Хан Сиэнь явно не собирался, им оставалось лишь отступить.

В поместье маркиза Цзинго на женитьбу пасынка смотрели точно так же, как и его отец. В конце концов, связь между мужчинами считалась делом позорным. Однако старейшины рода прекрасно понимали, что их мнение для Хан Сиэня ничего не значит — ведь с тех пор, как они вернулись в столицу, тот ни разу не соизволил явиться к ним и засвидетельствовать почтение родственникам по материнской линии. Какое бы возмущение ни кипело в их душах, они предпочитали держать его при себе.

Хан Минчжу за время жизни под одной крышей успела хорошо изучить нелюдимый нрав своего брата. Она прекрасно знала, что к так называемой родне тот не питает ни капли тепла, а потому любые наравоучения вызовут у него лишь раздражение.

Она не сомневалась: решишь кто-нибудь бесцеремонно влезть в личные дела Хан Сиэня, тот без колебаний отречётся от семьи и разорвёт всякие отношения навсегда. Сама она держалась от этого омута как можно дальше, но дабы предостеречь родню от непоправимой глупости, отправила доверенное письмо старой госпоже Ван с нижайшей просьбой ни в коем случае не вмешиваться.

Старая госпожа Ван, пробежав глазами строчки письма, лишь тяжело вздохнула и сокрыла бумагу в глубине резной шкатулки.

Самым поразительным было то, что пока в Поместье герцога Хань кипели нешуточные страсти и звенели бокалы на приёмах, сам виновник переполоха не подавал никаких признаков жизни.

Знавшие крутой нрав Хан Сиэня люди только диву давались. Цзи Ло, к примеру, искренне недоумевал, почему тот до сих пор не разнёс отцовскую усадьбу по брёвнышку и не учинил расправу над свахами. Это смирение никак не вязалось с тем ядом, который он выплёскивал в лицо Хан Чжо при каждой встрече. В конце концов Цзи Ло рассудил, что его странный друг просто затаился и выжидает подходящего момента.

Обыватели же шептались, дескать, родительское благословение — закон для любого почтительного сына, да и повод радостный, так что даже буйный Сиэнь смирил гордыню. Но сам Хан Чжо, затаив дыхание ожидавший от сына какой-нибудь каверзы, лишь мысленно плевался, слушая эти благоглупости.

Он-то надеялся, что пасынок придёт в ярость и устроит скандал на всю столицу — тогда можно будет со спокойной совестью подать прошение о лишении его титула наследника. Но Хан Сиэнь не проронил ни звука. Теперь Хан Чжо разделял опасения Цзи Ло: этот паршивец явно заготовил для него какой-то смертоносный сюрприз.

Больше всех из-за поднявшейся шумихи изнывал Бай Шу. Хан Сиэнь же, напротив, оставался безучастен, словно речь шла о ком-то постороннем. Он всё так же безмятежно грелся под лучами солнца во внутреннем двореке, перелистывая страницы старинных фолиантов.

Наблюдая за этой сонной безмятежностью, Бай Шу и сам постепенно оттаял. В глубине души он верил: если бы Хан Сиэнь действительно вознамерился взять кого-то в жёны, он непременно поведал бы об этом ему первому. Успокоив себя этими мыслями, юноша вновь повеселел и с прежним упоением принялся за кисть во Дворике Душистых Орхидей, стараясь запечатлеть облик любимого на бумаге.

Тому, кто не просит у судьбы слишком многого, для счастья надобно совсем малость.

Опустив свиток на колени, Хан Сиэнь молча созерцал, с каким благоговением Бай Шу выводит штрихи на свитке. Пальцы юноши, привыкшие сжимать рукоять меча, были лишены утончённости столичных франтов, а суровые годы на заставах Сицзяна, опалённых знойными ветрами, сделали его ладони жёсткими, с крупными суставами.

Спустя долгое время Хан Сиэнь отвёл глаза, но до самого заката больше не перевернул ни единой страницы.

Будучи воином, Бай Шу обладал исключительным чутьём на чужие взгляды. Стоило взору Сиэня коснуться его ладоней, как пальцы его едва заметно дрогнули. Кисть едва не скользнула в сторону, грозя безвозвратно испортить изящный набросок.

Преодолев минутную слабость, он притворился, что увлечён работой, и продолжил плавно вести линию. Лишь когда Хан Сиэнь отвёл взор, Бай Шу позволил себе украдкой взглянуть на него. Обнаружив, что тот всё так же неподвижно сидит в кресле, юноша невольно сощурил глаза от нахлынувшей нежности, и губы его тронула едва заметная улыбка.

"Каким бы твёрдым, словно вековой утёс, ни казалось человеческое сердце, со временем в нём непременно отыщется едва заметная трещина, сквозь которую внутрь прольётся тепло"

Хан Сиэнь без труда разгадал эти наивные надежды и беззвучно вздохнул. Закрыв глаза, он опустил раскрытую книгу прямо себе на лицо. Там, под сенью резной галереи, баюкаемый прохладным дыханием ветра, он казался погружившимся в глубокий, безмятежный сон.

После долгих, придирчивых поисков госпожа Лю наконец нашла ту самую «жемчужину». Выбор пал на Чжао И — законного сына-гэера из семьи помощника министра доходов Чжао Куаня. Чжао И был рождён первой, ныне покойной супругой чиновника, но мачеха, на удивление всей столице, души в нём не чаяла и оберегала как родного. Беда заключалась лишь в одном: у этого гэера была несчастливая судьба. Его дважды сватали, но оба суженых гибли вскоре после помолвки.

Из-за этих несчастий в народе за Чжао И прочно закрепилась дурная слава постылого вдовца,

приносящего гибель всякому, кто посмеет назвать его своим.

Едва до Хан Сиэня дошла весть о том, что мачеха окончательно утвердила эту кандидатуру, он поднялся со своего места и без лишних слов направился напрямик во дворец.

<http://bllate.org/book/20088/2002100>